
К ИНТЕРАКЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ФРАНЦУЗСКОГО МЕЖДОМЕТИЯ

Е.Ю. Кустова

Кафедра французского языка
Пятигорский государственный лингвистический университет
пр. Калинина, 9, Пятигорск, Россия, 357532

В статье междометия французского языка представлены как семиотические конверсивы, выполняющие в речевом взаимодействии функции интенциональных, иллюкутивных и аргументативных операторов и дискурсивных коннекторов.

1. Постановка проблемы

Современные лингвистические исследования все более обусловлены осознанной необходимостью синтезировать функциональную модель языка, представляющую единство ее когнитивной и коммуникативной частей. Антропоцентрическая и коммуникативная перспективы развития лингвистики отмечены потребностью структурировать и систематизировать существование языка в речи, и выбор междометия предметом исследования предопределен, прежде всего, необходимостью постичь функциональные свойства языка через те его элементы, которые ярче других отражают речевое, актуализированное состояние языка, с его многочисленными особенностями и функциями, проявляющимися в динамике речевого взаимодействия.

Сегодня становится ясно, что системное семасиологическое описание междометных единиц должно, с одной стороны, затрагивать все уровни языкового анализа с выходом в речепорождение [6], и, с другой стороны, дополняться ономазиологическим подходом, рассматривающим интеръективы в рамках более крупных функционально-семантических полей и систем [1; 10].

2. Основания теории междометия

В грамматических описаниях того или иного языка указывается на невозможность непротиворечивого включения междометия в систему частей речи. Ж. Вандриес писал: «Прежде всего надо исключить из частей речи междометие. Как бы ни было велико значение междометия в речи, в нем есть что-то, что его обособляет от других частей речи, оно — явление другого порядка...» [2. С. 114]. Академик В.В. Виноградов дал определение междометиям как особым языковым знакам: «Междометия составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков... Не обладая номинативной функцией, междометия имеют осознанное коллективом смысловое содержание» [4. С. 584].

Из этой емкой характеристики следует несколько принципиальных для нашего исследования позиций:

- особый семиотический статус междометий;
- отношение междометий к особым «речевым» единицам языка;
- спонтанность и аффективность порождения интеръективов;

— смысловое содержание междометий определено лишь в момент речевой реакции говорящих (прагматично, ситуативно).

Системное освещение этих «особых» характеристик междометия и составляет содержание теории интеръективов, строящейся на основе определенных методологических принципов.

Прежде всего, такая теория предполагает идеологическую целостность, коррелирующую с целостностью предметного описания таким образом, что каждый аспект описания междометия должен быть связан с определенным постулатом теории, когда индуктивность описания (от фактов к обобщению) проверяется определенной дедуктивной схемой, отражающей логику построения и функционирования описываемой системы.

Адекватность наблюдения определяется в случае интеръективов исследованием свойств той особой среды их существования, которую можно назвать динамическим срезом высказывания, когда высказывание — это не «...материализованные ‘фразы’ и ‘слова’, которые можно ‘фиксировать’, сохранять при помощи письма, записать на магнитофонную ленту и т.п. ...Эта псевдосубстанция на самом деле есть не что иное, как узел отношений (*noeud de relations*)» [5. С. 54—55].

Адекватность описания системы интеръективов основывается на методологии интеракциональной лингвопрагматики [18], в основе которой лежит теория речевых актов [21], «театральная» концепция И. Гофмана [16], постулаты речевого взаимодействия П. Грайса и другие теоретические построения, рассматривающие коммуникативную и интеракциональную ипостаси языка. В этой перспективе, как указывает О. Дюкро, «междометие не может более рассматриваться как маргинальный или малозначительный феномен. Оно приобретает центральное положение: это один из главных маркеров речевого взаимодействия» [15. Р. 161].

Адекватность объяснения феномена интеръективов обеспечивается исследованием семиотических механизмов образования и функционирования этого лексико-грамматического класса, выявляющих универсальные свойства рассматриваемых элементов и проявления этих свойств в конкретном исследуемом языке, интегрируя лингвопрагматику в семиотический метод [8. С. 14], соединяющий структурные (морфосинтактика), семантические и функциональные свойства знака как элемента системы. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «при функционально-семиологическом подходе язык выступает как единый объект — язык—речь, что позволяет учитывать взаимодействие двух его аспектов: статического и динамического, системного и функционального (деятельностного)» [2. С. 387].

3. Междометные прототипы и семиотическая конверсия

Антропоцентрическая парадигма меняет приоритеты в функциональной значимости центра и периферии языка как языковой деятельности (*langage*), включающей внутреннюю системную организацию (*langue*) и ее функциональное воплощение (*parole*). «Маргиналии» (см. [10]) становятся ядром антропоцентрической модели порождения речи, в основе которой, в частности, лежит чувственный компонент синкретичного отражения объективной реальности. Следуя

эгоцентрической гипотезе порождения речи, первыми звуками, издаваемыми человеком и осознаваемыми им самим, становятся рефлексорные звуковые проявления, связанные с физиологией и эмоциями, что свойственно также биосфере в целом. Как отмечает Е.Я. Режабек, «осмысление мира в нерасчлененных образах происходило по эмоционально-ассоциативным рядам. Каждый шаг первобытного дикаря был неотделим от массы аффектов, за нагромождением которых подчас утрачивался объективный смысл происходящих событий» [7. С. 68].

С развитием рефлексии, потребности в семиозисе (знакообразовании) и коммуникации человек восходит к знаку-индексу (указательность, ситуативность), когда употребление знака приобретает причинно-следственную связь и превращается в указание на внешние свойства объекта (звукоподражательная дескрипция) или на внутренние состояния субъекта (эмотивность). Звукоупотребление из наивной «пробы пера», прототипического присвоения звуковой формы (звукоподражания) или непроизвольного рефлексорного крика (междометия) превращается в указание на первопричину ('ку-ку' = «там — птица», 'ой' = «здесь — боль»), заставляя адресата (интерпретатора) связывать звук со значением и делать выводы (интерпретировать). Таким образом, прототипические звуки-употребления превращаются в знаки — индексы, переходящие в сигналы и предполагающие адресата.

Следующим этапом развития семиозиса является условность установления связей между явлениями и звуками, т.е. артикуляционный звуко-символизм. Р. Лафонт подчеркивает иконическую связь между мимической и аффективными звуковыми реакциями (междометиями), различающимися у жителей севера и юга Франции при выражении презрения или отвращения (*pouah!/bè*) [19].

Превращение доязыковой, прототипической речи в язык можно представить как процесс перехода мотивированных иконических форм в конвенциональные, демотивированные в синхронии, стереотипные употребления, закрепляющиеся в языке в виде слов и развивающиеся по законам языка (ЛЕ, ЛСВ, ФЕ и т.д.). Динамика взаимодействия условности (конвенциональности) и изобразительности варьируется от знака к знаку и от языка к языку. Так, морфологизм русского языка легко превращает звукоизобразительные элементы в существительные, глаголы, наречия, прилагательные: «ахи», «ахать», «ахово», «аховое» и т.д. Аналитизм французского языка значительно ограничивает словообразовательные возможности звукоизобразительной лексики, сохраняя при этом прототипичность исходной междометной формы: «*faire fi*», «*sans dire ouf*», etc.

Существует и обратный процесс, когда закрепленные в языке конвенциональные формы (символы) превращаются в речи в контекстно обусловленные знаки-индексы, значение которых зависит от ситуации употребления. Этот процесс может быть назван прагматизацией знака. Происходит своего рода генетическое обращение, или **семиотическая конверсия** (трансляция) знака: знак-икона/индекс — знак-символ — знак-индекс/икона. Любой знак-символ может превратиться в звук-употребление (иконический знак), например, при цитации: Он сказал «ах!»; Кто сказал «мать»? Прагматизация (ситуативность) и вторичная иконичность лежат в основе *интеръективизации* — превращения дескриптивных

слов и конвенциональных форм в междометия: *Черт!*, *Блин!*, *Японский городовой!*, *Ёкалэмэнэ!* и т.д. Такие употребления, пройдя через узус, также конвенциализируются и становятся достоянием языка, его междометного и фразеологического фонда. Например, *Voyons!* не призывает собеседника «рассмотреть» предмет спора или несогласия (*Voyons!* приблизительно соответствует русскому «Вы посмотрите!»), а маркирует отношение говорящего к ситуации речевого взаимодействия. Свободное словосочетание превращается в конвенциональный прагматический маркер несогласия, полемики, упрека, возмущения, конфронтации (как и в русском — «Ты посмотри!»). ЛЕ *Voyons!* относится к разряду междометий (интеръективов) [2]. Такая делюкативная деривация лежит в основе образования большинства производных междометий: *Tiens!*; *Allons!*; *Allez!*; *Dis donc!*; *Soit!*; *Pensez-vous!*; *Vas-y!*; *Tu penses!*; *Tu parles!*; *Bis!*; *Fichtre!*, etc.

Таким образом, отношение языка и речи представляется в виде конверсивно-транслятивного семиотического поля с цикличным обращением элементов (типов знаков), с процессами взаимоперехода, семиотической конверсии знаков языка и речи как в диахроническом, так и в синхроническом измерениях. В определении принадлежности той или иной единицы к классу интеръективов большую роль играет прототипический эмотивно-экспрессивный *фоно-просодический признак*, объединяющий в один класс дескриптивные (ономатопеи) и субъективно-регулятивные (междометия) единицы.

4. Интеръективы как интеракционные операторы и коннекторы

Одна из первых функциональных классификаций французских междометий [9. С. 111—114] объединила в рамках класса слов-предложений («фразоидов») междометия («аффективные фразоиды непосредственной реакции» и императивные фразоиды) с имитативными фразоидами (*Pan!*) и логическими фразоидами (*oui*, *non*, *voici*, etc.). Классификация Л. Теньера выявила полифункциональность «фразоидов», показав корреляцию на функционально-синтаксическом уровне междометий с другими речевыми элементами, характеризующимися семантико-синтаксической свернутостью и автономностью.

Выход за рамки предложения-высказывания и помещение междометий в синтаксис речевого взаимодействия во многом определил адекватность выявления функциональной и системной значимости междометий.

В динамическом аспекте речевого взаимодействия междометия представляют собой «речевые рефлексy» — вербальную реакцию говорящего на различные параметры ситуации общения.

Динамический аспект высказывания отражает процессы, происходящие в речевом взаимодействии. В момент порождения высказывания происходит ряд когнитивно-коммуникативных операций, которые осуществляются, в частности, при помощи междометий-интеръективов:

— актуализация определенного мысленного содержания (пропозиции) сквозь призму интенциональности (отношение говорящего к пропозиции, например, знание, мнение, выражение чувств, оценка);

— ориентация высказывания относительно собеседника в интеракционном плане, заключающаяся в иллюкутивной и аргументативной направленности

высказывания, на которую накладываются интерперсональные отношения (стратегия сотрудничества / конфронтации, социальные роли и т.д.);

— дискурсивная организация высказывания в соответствии с перечисленными аспектами речевого взаимодействия и связи его с предыдущими и последующими высказываниями в рамках интеракционного дискурса.

Интеръективы, семантически (деривационно) или прагматически (ситуативно и узуально) связанные с той или иной эмоцией, являются операторами, меняющими знак интенциональности высказывания (а также его иллюкутивную силу). Например: «J'ai oublié mes cigarettes» — «Zut! J'ai oublié mes cigarettes...» (огорчение заядлого курильщика) — «Houppii! J'ai oublié mes cigarettes!» (радость человека, решившего бросить курить) — «Tiens! J'ai oublié mes cigarettes.» (удивление — амбивалентная эмоция) — «Eh ben, j'ai oublié mes cigarettes!» (что может выражать грустную — «Décidément, c'est pas mon jour!» или оптимистическую констатацию «Tant mieux!» либо безразличие «Tant pis!»).

Оценка может касаться не только параметров хорошо / плохо, но и уместности / неуместности высказывания, то есть соответствия высказывания максимум релевантности, количества, качества и способа [17]. Так, нарушение максимы качества связано с ложной presupпозицией высказывания, что приводит к соответствующим реакциям и исправлениям со стороны собеседника: «— ...Mais j'ai des principes. — Oyayaie! dit Bouzigue. Les principes, oyayaie!... Allons, voyons, monsieur Joseph! Quels principes?» [20. P. 257] — «Да, но мои принципы. — Ой! сказал Бузиг, принципы, ой-ой-ой! Ладно уж, месье Жозеф, какие принципы?».

В иллюкутивном плане высказывания интеръективы как сопровождают эксплицитные перформативные средства, указывающие на иллюкутивную цель высказывания, так и употребляются самостоятельно в качестве иллюкутивных маркеров, указывающих на иллюкутивную функцию высказывания или операторов, изменяющих ее. Ср.: — Le docteur est au courant? — запрос информации и «— Ah! s'étonnait Cottard, le docteur est au courant?» [14. P. 136]. «— А? — удивился Коттар, доктор знает?» — речевой акт удивления.

Интеръективы маркируют аргументативную значимость высказывания — тезиса, аргумента, вывода (заключения). Аргументативная сила высказывания, как и иллюкутивная сила, имеет параметр интенсивности выражения. Междометия выполняют функцию эмоциональных интенсификаторов аргументативной силы высказывания: «— Labrousse n'est pas si intimidant, dit Françoise avec un sourire. — Oh si! dit Xavière, comme professeur, il me fait peur» [13. P. 182]; «Лабрус не так уж страшен, — сказала с улыбкой Франсуаза. — О нет! — сказал Ксавьер, как преподаватель он меня пугает».

В случае контраргументации: «—...Et vous croyez que vous trouverez le temps de l'écrire? — Bien sûr. — Oh! ça ne me semble pas si sûr: vous n'avez pas une minute à vous» [12. P. 62] (Oh! — коннектор, вводящий контраргумент).

В речевом взаимодействии говорящий прибегает к стратегии «компенсации», исправляющей возможную отрицательную реакцию собеседника, защищающего собственную личностную территорию. В речи данная стратегия отмечена соответствующими миметическими маркерами. Например: — Mais c'est

c'que j't'ai expliqué l'aut'jour, *quoi!* — *Ben faut croire qu't étais pas trop clair, hein!*»; «—Но я же тебе это объяснял, ну! — Ну, наверное, так объяснял, да?!».

Междометия смягчают защитную (отрицательное лицо) реакцию собеседника, компенсируя агрессивную стратегию защиты, спасая «позитивное лицо» отвечающего и маркируя стратегию сотрудничества.

Интеръективы участвуют в оформлении дискурсивного плана речи, т.е. в организации речевого взаимодействия. Они выступают в роли зачинов, приступов к высказыванию, заполнителей пауз (*silence fillers*), маркеров передачи слова, инициирующих ответную реакцию собеседника, выхода из коммуникации и т.д., являясь, таким образом, элементами коммуникативно-дискурсивной рамки высказывания (анафоро-катафорические коннекторы).

Роль междометных речевых единиц в выполнении анафорической функции становится очевидной при рассмотрении аутентичного речевого взаимодействия. Например:

I. A : C't' à dire *queu...* j'avais pensé qu'tu pourrais commencer à en parler, toi, *tu vois...*

B: *Ah* non, ça non, ça j'peux pas...

A: *Mais toi* i t'écoute...

B: *Ah* non, *ah* non, pas question!

II. A: Tu peux pas t'pousser *non?*

B: *Oh* ça va, ça va!

A: *Ben justement non*, ça va pas! [11. P. 43].

Анализ приведенных фрагментов выявляет две ведущие функции междометий в речи — *интеракциональную* и *интерактивную* — и проявляет функциональную дистрибуцию междометий в парадигме регуляторов речевого взаимодействия.

Так, интеракциональная функция связана с проявлением интенциональностей собеседников и регулирует их согласование. Сообщение определенного пропозиционального содержания (в I — «j'avais pensé qu'tu pourrais commencer à en parler»; во II — «Tu peux pas t'pousser», etc.) сопровождается определенной интенциональностью, оформленной в виде того или иного речевого акта (в I — косвенный РА-просьбы; во II — прямой РА-упрека). Выражение интенциональности вызывает определенную интенциональную реакцию (I — отказ: «*Ah* non, ça non, ça j'peux pas...»; II — мелиоративный протест «*Oh* ça va, ça va!»), и в каждом реактивном РА обнаруживается междометная речевая единица, маркирующая интенциональность собеседника: в I — оценку приемлемости (аргументативной релевантности) высказанной просьбы (ср. без междометия: «non, ça j'peux pas» — отказ без мотивировочной оценки, осуществляемой междометием *Ah*); во II — оценку стилистической релевантности (грубость) высказанного протеста.

Интерактивная функция междометий реализуется в двух типах междометных речевых единиц — проактивном (инициирующем) и реактивном (рефлексивном). Во французском языке к реактивным относятся междометия *Ah! Oh! Ouf! Quais! Bah! Hein!, Bof!, Dites-donc! etc.*; к проактивным — *Hé! Oust! Gare! Tss!, Hein!, Dis! etc.* Междометные реактивы превалируют над проактивными интеръ-

ективами, что вполне закономерно, если учесть, что реактивные междометия могут связывать неречевой (ситуативный) стимул и речевую реакцию.

Несмотря на сходную функциональную дистрибуцию и сочетаемость междометий с речевыми операторами иного частеречного происхождения (*non?*, *mais*, *c't'à dire*, etc.), их функциональный диапазон вполне индивидуален и проявляется в контрастной дистрибуции:

«— *Où étais-tu passé?* — **Ah!**» (= «*Mystère!*», «*Devine!*», «*Ça ne te regarde pas*») vs — **Oh!** (= «*Ça n'a pas d'importance*», «*Pourquoi te le dirais-je?*»).

Одной из национально-маркированных форм выражения речевых реакций во французской разговорной речи являются так называемые «ассонансы» — интеръективные стереотипные формулы особой структуры, в основе образования которых лежат два процесса: интеракциональная рефлкторность и языковая игра. Номенклатура таких интеръективных речевых единиц хотя и открыта, но вполне определена — в среднем их насчитывается около ста пятидесяти, не считая варианты (см., напр., [23]): *Tu parles, Charles!*, *Tiens bon, Gaston!*; *Patience, Hortense!*; *Du calme, Jo!*; *Adieu Berthe!*; *Ça colle, Anatole!*; *Notamment, Armand!*; *Vas-y, Toto!*, etc.

Интерактивной особенностью данных единиц является их интертекстуальность, проявляющаяся и в деривационном, и в функциональном аспектах. Большинство данных единиц имеет в своей основе прецедентное происхождение (реклама, комиксы, школьное аргю, изречения и т.д.).

В целом, проведенное исследование показало обоснованность и продуктивность интеракционального аспектного функционально-прагматического подхода к описанию разряда междометных речевых единиц французского языка, выявило основные функции интеръективов в речевом взаимодействии, наметило алгоритм дальнейшего исследования прагматических единиц языка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Алферов А.В. Дейксис de dicto: функциональный класс интеракциональных индексалов // Филологические науки. — 2001. — № 2. — С. 85—93.
- [2] Болдырев Н.Н. Функционально-семиологический принцип исследования языковых единиц // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова. — М.: Языки русской культуры, 2001. — С. 383—394.
- [3] Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. — М.: УРСС, 2001.
- [4] Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М.: Высшая школа, 1972.
- [5] Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. — М.: Прогресс, 1986.
- [6] Кустова Е.Ю. Функции междометия в речевом взаимодействии // Язык. Общество. Культура. I Российская конференция «Актуальные проблемы романистики». — Саратов, 1999. — С. 98—99.
- [7] Режабек Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ). — М.: Едиториал УРСС, 2003.
- [8] Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. — М.: Едиториал УРСС, 2001.
- [9] Теньер Л. Основы структурного синтаксиса — М.: Прогресс, 1988.
- [10] Шляхова С.С. «Другой» язык. Опыт маргинальной лингвистики. — Пермь: ПГТУ, 2005.

- [11] *André-Larochebouvy D.* La conversation quotidienne. — Paris, 1984.
- [12] *Bazin H.* Le Matrimoine. — P.: Seuil, 1967.
- [13] *Beauvoir S.* L'invitée. — P.: Gallimard, 1965.
- [14] *Camus A.* La peste. — P.: Gallimard, 1947.
- [15] *Ducrot O. et al.* Les mots du discours. — P.: Minuit, 1980.
- [16] *Goffman E.* Façons de parler. P.: Minuit, 1987.
- [17] *Grice H.P.* Logique et conversation // *Communications*, 30. — P.: Seuil, 1979. — P. 57—72.
- [18] *Kerbrat-Orecchioni C.* L'analyse des interactions verbales: la notion de 'négociation conversationnelle': défense et illustration // *Lalies*. — 2000. — 20. — P. 63—141.
- [19] *Lafont R.* Le travail et la langue. — P.: Flammarion, 1978.
- [20] *Pagnol M.* Le château de ma mère. — P.: Livre de poche, 1958.
- [21] *Searle J.R.* Les actes de langage. — Paris: Hermann, 1972.
- [22] *Sidar-Iskandar C.* Voyons! // *Cahier de linguistique française*, №5. — Genève: Université de Genève, 1983. — P. 111—130.
- [23] *Treps M.* Allons-y, Alonzo! ou le petit théâtre de l'interjection. — P., 1994.
- [24] *Vion R.* La communication verbale. Analyse des interactions. — P., 2000.

TO THE INTERACTIONAL THEORY OF FRENCH INTERJECTION

E.Y. Koustova

Pyatigorsk State Linguistic University
Kalinin avenue, 9, Pyatigorsk, Russia, 357532

The article deals with the systematic interactional description of French interjections presented as «semiotic conversives», intentional shifters of propositional content, illocutionary, argumentative, interpersonal operators and anaphoric connectors in dialogical discourse.